

# На родине Есенина в канун его столетия

## У поэтов свой закон

В который раз (Боже, вот счастье!) стою на этом крутом косогоре над Окой, и дух захватывает от невообразимого, нехватного простора, распахнувшегося, кажется, в бесконечность, от чистой синевы неба вокруг — "только синь сосет глаза", от залитых золотым сентябрьским солнцем, но все еще ярко-зеленых заречных лугов, слегка отороченных темнеющей кромок леса у самого горизонта.

*Край любимый! Сердцу внятно  
Сквозь солнца в водах лонных.  
Я хотел бы затеряться  
В зеленых твоих стозвонных.*

Этот Константиново, родное его село.

Обычное русское село. Обычное — и необычное. Солженицын, побывав тут, подчеркнул в своей "кромхотке" будничность и даже убогость деревенского вида. По-настоящему, чтобы сильнее — по контрасту — затем прозвучало: "Какой слиток таланта метнул Творец сюда..."

Таланта, нашедшего "столько материала для красоты... которую тысячи лет топчут и не замечают".

Нет, все-таки сперва Творец создал дивную эту красоту, которая поднимала к небу есенинский юный талант!

С высоты воспоетого уже многими и многими окского крутояра любемся ширью рязанских раздолит, перед которыми мерк для поэта даже экзотический Шираз. Мой давний друг Игорь Гаврилов, исколесивший вдоль и поперек всю Оку, утверждает: такого изумительного вида не открывается больше ни в одном месте большой реки.

А зам. директора есенинского музея-заповедника по науке Константин Петрович Воронцов по-научному объясняет, что причина этого, каждый раз потрясающего, впечатления — в необычном освещении: солнце здесь всегда сзади, никогда не бьет в глаза, создает мягкую и тонкую подсветку пейзажа.

Может быть, может быть... Но при всем том объяснить магическое волшебство природы столь же трудно, как объяснить волшебство истинной поэзии.

Бесчисленные Сальери, разывшие музыку есенинского стиха, как труп, в попытке доказать, что он и "монотонен, примитивен", и "безвкусен", и "близок к пошлости", и "алкоголически неяркий и неяркий в стиле", а рифмы его "часто неуклюжи и немудры", — все эти претензии на профессионализм "исследователей" ничего не доказали. И повторяемые ими с досадой вопрос: "Чем же объясняется чудовищная популярность Есенина?" — ответы получают у них просто нелепые.

Все тшится убедить себя и других, что есенинская популярность "незаконна". Однако у Гения, как и у Природы, — свои законы.

## Соседка Есенина

Наверное, каждый приезжающий в Константиново хотя бы мысленно интересуется: а есть ли здесь кто-нибудь, кто еще помнит живого Есенина? Елена Васильевна Воробьева.

Я счастлива, что Владимир Исаевич Астахов, первый и бесценный в течение тридцати лет директор есенинского музея, только минувшей весной оформлен на пенсию, сказал мне о ней и даже сам к ней пошел.

Она от замужества жила по соседству с Есениными, через два дома. А теперь, когда домов этих уже нет, — и вовсе соседи. Такие же, как у Есениных, смотрят на улицу три окошка — это было почти у всех в селе, такие же ведут в избу невеселые ступеньки.

Елена Васильевна завтракает с дочерью. И они-то обе уж совсем не молодцы, а ей 3 июня исполнилось 90 — всего на десять лет моложе знаменитого своего земляка. Но бодрая, улыбающаяся, опрятная, на мой похвальный громкий голос смеется: "Слышу пока хорошо".

Узнав, что хочу поговорить о Есенине, поднимается из-за тесного стола в затененной кухоньке и предлагает перейти на веранду, где просторно и от утреннего яркого солнца по-прежнему светло, а за широкими окнами "горит костер рябины красной". Потребны, видно, душе моей собеседницы эти яркость и свет при воспоминаниях о поэте.

Она таким же и запомнила — светлым, праздничным. Когда приехал летом 1924-го на свадьбу своего двоюродного

брата. Зашел к ним ряженный, по деревенскому свадебному обычаю, — в цветастом, под цыганку, платье и расписном полупальце. С порога весело закричал свекрови: — Тетя Феня, хороша барышня-то?

— Сережа, да это ты? Не узнала.

— На свадьбу иду. А это что же у вас за красавица? — обратился в сторону девятнадцатилетней Лены.

— Митина жена.

— Ого, какую отхватил! — восторгуясь он и шутливо дернул Лену за нос. — Где же выискался Митюшка эдакую писаную?

— Да в Федякине, где еще.

— Ничего себе! Я полсвета обехал и такой не нашел, а он

— Такой человек рождается раз в сто лет, — сказала о своем земляке Елена Васильевна Воробьева.

Я неторопливо шел по сельской улице и думал: да, вот здесь сто лет назад он родился. А потом написал:

*Низкий дом с голубыми ставнями,  
Не забыть тебе никогда,  
Слишком были таковы  
Недавними  
Отзвучавшие в сумрак года.*

Отзвучали года, ушли, все дальше уходят. И тем более бесценно сбережение Памяти того, кто столь дорог нашему сердцу. Памяти в слове и мурзы, в красках и в предметах самых бытовых.

Я стою перед тем низким до-

Вернее, дощечка. Самодельная, из фанеры. Установили ее по решению сельсовета, председателем которого был тогда Иван Федорович Копытин. А инициатором благодарного и смелого по тому времени дела стал горячий любитель поэзии Есенина — зам. редактора той же районной газеты "Ленинское знамя" Георгий Иванович Шишков. За что и схлопотал строгий выговор на бюро обкома, чуть не вылетел из партии.

Низкий поклон вам, Георгий Иванович и Иван Федорович!

Путь к музею, открывшемуся после того еще более чем через десять лет, в 1965-м, был сложен и тернист. Может, больше других сделал в борьбе

в сентябре 1956-го. И первый вопрос: "Какая память есть о Есенине?" Тогда в здании этом было СПТУ, а о поэте напоминала только небольшая выставка, открытая к 60-летию со дня его рождения. Теперь же я иду — благоговейно! — по восстановленным комнатам, где были общежитие учащихся, учительская квартира, рекреационный зал, сию за партой в классе — совсем такой же партой, за какой сидел юный Сергей. Все это на правах отдела константиновского музея, но фантически тоже целый музей! И я волнуясь, слушаю взволнованное повествование старшего научного сотрудника Татьяны Зотовой, для которой здесь — вся ее жизнь...

творчество вдохновенного певца России.

Праздник удался, чему и полгода золотой осени немало споспешествовала.

Конечно же, пошел я к памятнику Есенина, который стоит на набережной Трубежа в заливные луга и открытие которого стало в свое время, помню, таким событием для всех нас. Хотя и просил поэт, не то в шутку, не то всерьез: "Не ставьте памятник в Рязани!"

Поставили — и все-таки правильно сделали. Думаю, в конце концов не был бы Сергей Александрович в обиде.

А вот другого памятника — на центральной площади, которую он украшал и к которому так привык я за годы своей ря-

зано сказано потому, что поэт был самого скверного мнения о крестьянах в тот момент? Ох, до чего же тенденциозно, до чего неубедительно...

*Я вижу есе  
И ясно понимаю,  
Что эра новая —  
Не футу изуму вам,  
Что имя Ленина  
Пулит, как ветр, по краю,  
Давай мыслям ход,  
Как мельничным крылам.*

Видно, эти, как и многие другие, есенинские строки Рюмин и иже с ним признавать не намерены. Сбросили с парадокса современности. Отменили, так сказать.

Но Есенин-то остается каким был! В целостности и неделимости, в искренности и противоречивости, в той сложности, которая, собственно, и есть Есенин.

Вот и наша история — тоже. Попробуй выбрось Ленина из нее. Не получишь! Как не получишь в свое время выбросить из истории и литературы Есенина.

Памятник Ленину работы советского скульптора Манизера и памятник Есенину советского же скульптора Кибальникова стояли в одном городе, олицетворяя целую эру в истории страны. Советскую эру.

Теперь, в праздничные для Рязани дни, гуляя по городу, я на каждом шагу сталкивался с назойливой и в чем-то символично звучащей рекламой: "Dendy. Новая реальность".

"Dendy" — это потому, наверное, что для кого-то русские слова в России уже устарились. Или вышли из моды. Но в чем еще она, новая эта реальность? В краснокирпичных — огромных и безвкусных — холмах, которые спешат воздвигнуть для себя по тихим заповедным переулкам вокруг рязанского центра лидеры "демократов", ставшие новой властью и новыми богачами? Такой же, в псевдомавританском даже стиле, дворец "нового русского" вырос и почти у въезда в есенинское Константиново, искажая и уродуя исконно русский пейзаж. Чем же лучше той трубы котельной, которая была возведена когда-то рядом с домом Капиной?

Богатые люди — богато живут и творят, что хотят! Но... Как не вспомнить одно из характерных писем юного Есенина, относящееся к дооктябрьской поре: "Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны".

Увы, ныне они слишком слышны. Всюду и повсюду. Даже если безмолвны.

Меня, скажем, да и не только меня, до боли сердечной огорчили цифры, показывающие, как падает в годы "реформ" посещаемость есенинского музея-заповедника. Если раньше, много лет подряд, показатель этот ежегодный устойчиво превышал 400 тысяч, достигнув в 1988-м без малого 445-тысячной отметки, то в 1991-м резко упал — до 254 418, а в 1992-м — аж до 72 743.

Правда, с приближением юбилея цифра стала несколько подрастать: любовь-то к Есенину в народе не убавилась! Но — жизнь угнетает. Не до культуры уже многим, не до путешествий.

Что сказал бы он, Есенин, о резком разделении нашего общества вновь на очень богатых и очень бедных? Величайший лирик не закрывал ведь глаза на прозу жизни вокруг, остро реагировал на несправедливость в любых проявлениях. С кем был бы душой сегодня?

*Но не любил бы  
Продажных торговцев.*

Неужели теперь полюбил бы? Сомневался.

*У них жилища есть,  
У них есть хлеб,  
Они с молитвами  
И благодатью и сыты.  
Но есть на этой  
Горестной земле,  
Что всеми добрыми  
И злыми позабито.*

Пожалуй, ныне, глянув на контрасты "новой реальности", увидев, в какое горе, нищету, бедность отчаяния брошены у нас и старость, и детство/пришедшее, вот ужас, опять к безпризорности: только в Москве числится уже более двухсот тысяч беспризорных ребят! Поэт с еще большей болью написал бы "Русь бесприютную".

Есть ли ты и будешь ли, Русь есенинская?

"Больно и страшно видеть, как идет с молотка за чистоган совесть людей. Но еще хуже, что во многих укореняется какое-то равнодушие: обирают нас — пусть, обманывают — терпим, унижают — смиряемся. Живет в нас то, о чем с со-

жалением писал и Есенин: махнет мужик рукой и скажет — "Бог ему судья", и возьмется за работу привычную..."

Эта написала Ксения Владимировна Шарова, учительница из городка Михайлова на Рязанщине.

Я попросил земляков поэта поделиться, какие ассоциации с нынешней нашей жизнью вызывают у них есенинские стихи, какие мысли возникают при этом. До чего же злободневно все зазвучало!

*И у нас биржевая клоака  
Расплетает свой едкий дым.  
Никому ведь не станет  
В новинки,  
Что в кремлевские буфера  
Уцепились когтишки  
Маклера, маклера, маклера...*

Господи, будто сегодняшней день описан! "Стране негодяев!" — восклицает, приводя эти строки, рязанский поэт Алексей Корнеев. И продолжает: "Написанные много лет назад слова: 'Я пел тогда, когда был край мой болен', — тоже вполне современны. И сегодня Есенин поет вместе с нами о крае отчуждения, который так болен, так больны 'поля мои, борозды милые'..."

А вот Корнеев Евгений Федорович — инженер из села Пушкина: "Снова оказались мы, по воле 'гнуси', в стране негодяев. Не имея социальной опоры в обществе, власть сделала ставку на криминальные элементы, на дельцов теневой — преступной — экономики. Помните у Есенина: 'Открыли зачем-то остроги, Злобеев пустили лихих. Теперь на большой дороге Покою не ждал от них. ...Таких теперь тысячи стало Творить на свободе гнусь'."

Вряд ли стоит ожидать, — говорится далее в этой исповеди, — что такая власть все-таки может востребовать есенинскую Русь — чистую, светлую, нежную. Чувство Родины этим людям чуждо. Раблеизм перед Западом, отдавая родную страну на разграбление, они пытаются получить поддержку народа иллюзорными обещаниями капиталистического рая. Но ответим им лучше всего можно прекрасными словами Есенина:

*Если крикнет рать святая:  
"Кинь ты Русь, живи в раю!"  
Я скажу: "Не надо рая,  
Дайте родину мою".*

Да, горькие, но в существе своем не безысходные признания пришли ко мне от есенинских земляков. Главный смысл: несмотря ни на что, Русь есенинская жила, живет и будет жить!

А залог этого? В богатстве и несокрушимости народной русской души, которую с такой трепетной силой выразил он, Сергей Есенин.

Один только штрих. Всем известно, какой проблемой стало ныне издание хороших современных стихов. Диким рынок уничтожает истинную поэзию. Но душа народная, которая не может жить без песни, сопротивляется! И на Рязанщине, где сам воздух пропитан Есениным и где стихи, кажется, пишет каждый, вопреки всему продолжают и продолжают выходить интересные поэтические книжки.

В том числе посвященные любимому земляку. Понятно, когда такую книжку выпускает, скажем, руководитель здешней писательской организации Анатолий Солянкин. Но не только же он. Вышла проникновенная поэма "Сергей Есенин", принадлежащая перу лесника-ветерана Дмитрия Минаевича Гиряева. Издан "право же, редкий для этих времен!" сборник стихов рязанских школьников "Есенинские березки" — удивительно талантливо, представлявший детское творчество от первоклашек до выпускников. Из одного лишь класса школы № 51, где работает незаурядный преподаватель словесности и тонкий воспитательница Елизавета Иринаховна Макарова, — двенадцать юных поэтов!

Что говорить, Есенин "стал для нас в эту трудную годину как бы духоподъемным стимулом, опорой на который, надеясь сохранить себя и лучше в себе. Хорошо написал об этом артист Рязанского областного драматического театра Борис Дмитриев:

*Плачут в небо осеннее  
Об одном глухари:  
"Нет Руси без Есенина...  
Нет и все, хоть умри!"  
Упаду на колени я,  
Помолюсь на зарю:  
"Нет Руси без Есенина!" —  
Как "Аминь" говорю...*

Константиново — Клепики — Рязань.

# "Я посетил родимые места, ту сельцушку, где жим мальчишкой..."

*Строки, вынесенные в заглавие этих заметок, многие, конечно, знают и помнят. Его, есенинские строки. "Возвращение на родину". Он любил возвращаться в родимые свои места. А если бы сейчас, накануне сотой годовщины со дня рождения, опять посетил их? Трудно представить, какие берущие за сердце стихи могли вылиться после такой встречи. Увы, не выльются. И никому из нас не дано увидеть сегодня осененные его гением края так, как увидел бы и воспринял их он...*



— под боком. Ну а сам Митюшка где?

— На рыбалке.

— Ладно, завтра обязательно свидимся.

Замечу: был Митя Воробьев другом детства Сережи Есенина, и память той дружбы прославившийся москвич все время хранил...

А еще видела Лена не раз столичного гостя на крыльце его дома. С книжкой либо просто так. Сидит, покуривает. Однажды, когда отлучился, даже подглядела: папиросы "Трезвон" фабрики "Дукат". И конфеты для ребятишек приготовлены — любил угощать.

Каждое утро шел купаться. Бывало, Лена спускается за водой к речке, а он навстречу, с полотенцем через плечо. В луга любил уходить. Пропадал с мужем на рыбалке. Но неусидчивый был: как не дождаться — сразу свертывал удочки.

— А пьяным, Елена Васильевна, вы его видели?

— Нет, ни разу. На такие же по вечерам играл, песни пел. Иной раз и стихи читал, это бывало. Но не пьяным.

## Поклонимся подвижникам!

Что ж, ничего особенного от старой константиновской житницы, последней очевидицы деревенских дней поэта я вроде и не услышал, а может, не исключая, что-то и приукрасила она. Однако вышел с удивительным, подымавшим душу ощущением причастности к чему-то очень земному и одновременно очень высокому.

Так всегда бывает, наверное, при соприкосновении — пусть даже косвенном, через других людей и через время, — с человеком, вошедшим в историю. Великим и святым делом вошедшим, каково бы ни было попрание его.

мом, о котором сложены стихи, и радуюсь, что он сохранился и есть люди, которые тщательно хранят его сейчас.

Я оглядываюсь окрест, и мне отрадно, приятно, говоря есенинским словом, что родное село великого русского поэта, где я бывал неисчислимо множество раз, в чем-то обрел облик, все больше близкий к тому, который видел он. Возрожденная Казанская церковь, где его крестили, упоминаемая в окладной книге 1676 года: белоколонный дом с мезонином Лидии Капиной, с усадьбой которого снесена наконец огромная уродливая труба котельной и где открывается теперь уникальный музей героини одной поэмы ("Анны Снегиной"), конечно; земская школа, в которой учился поэт и которая после воссоздания станет еще одним объектом музейного комплекса...

Низкий поклон вам, Юрий Львович!

А рекомендованный и утвержденный директором утешившегося к открытию музея молодой учитель Владимир Астахов, теперь уж ветеран, с дрожью в голосе делится чувством, пережитым тогда: "Этот же надо — возглавить музей Есенина!" И столько сделано им с тех пор во имя поистине святого, что ставлю я его в мыслях своих рядом с легендарным хранителем Пушкинаторы Степаном Гейченко...

Низкий поклон вам, Владимир Исаевич!

Лидия Алексеевна Архипова — главный хранитель фондов музея-заповедника, человек скромный и беспрельестно самоотверженный, знающий о Есенине, по-моему, все. Упомянутый уже Константин Петрович Воронцов, благодаря которому регулярно стал выходить интереснейший "Есенинский вестник" и чьиными трудами так много воссоздано и в Константинове, и в Клепиках, где учился будущий поэт во второклассном учительском училище. Помню, первая моя журналистская командировка, когда после университетского начала работав в рязанской молодежной газете, была именно сюда, в Клепики,

за его открытие и больше других успел собрать есенинских материалов ныне выдающийся, широко известный литературовед Юрий Прокушев. Он даже мать Гриши Панфилова — заветного друга ранней есенинской юности — разыскал в междерской глуши: благодаря этому стали читаемы нами самые искренние и самые волнующие письма Есенина той поры! Рассказывали мне, как буквально врывался неистовый Прокушев, энергичный, напористый, с развевающимися гривой буйных волос, в квартиру, где должно было сохраниться что-то от Есенина...

Надо, конечно, сказать спасибо и тем русским патриотам, которые помогают подвижникам. И средствами, и постоянной заботой. Тем более, у государства денег на это все не хватает...

Когда я был в Константиново, там поспешно завершались последние предельно важные работы. Прежде всего — усилиями и стараниями искусных мастеров Рязанского научно-производственного реставрационного управления. Но... все в долг!

Еще за год до есенинского 100-летия появился указ президента о создании Российского организационного комитета по подготовке к знаменательной дате, который возглавил заместитель главы правительства. Что-то за это время сделано, чего не было раньше и спустя год, уже в начале нынешнего сентября, то есть за месяц до праздника, работники музея-заповедника жаловались мне: два миллиарда рублей из обещанных трех выбить пока так и не удалось!

Для справки замечу еще: зарплата главного хранителя фондов — 241 тысяча. Это с учетом 25-процентной надбавки, положенной культурникам в сельской местности. И "грязными". Чистыми — 200 тысяч...

Такова нынче цена подвижничества.

Низкий поклон вам, Татьяна Яковлевна, Константин Петрович, Лидия Алексеевна! И всем соратникам вашим, кого, увы, при всем желании не смогу упомянуть.

Надо, конечно, сказать спасибо и тем русским патриотам, которые помогают подвижникам. И средствами, и постоянной заботой. Тем более, у государства денег на это все не хватает...

Когда я был в Константиново, там поспешно завершались последние предельно важные работы. Прежде всего — усилиями и стараниями искусных мастеров Рязанского научно-производственного реставрационного управления. Но... все в долг!

Еще за год до есенинского 100-летия появился указ президента о создании Российского организационного комитета по подготовке к знаменательной дате, который возглавил заместитель главы правительства. Что-то за это время сделано, чего не было раньше и спустя год, уже в начале нынешнего сентября, то есть за месяц до праздника, работники музея-заповедника жаловались мне: два миллиарда рублей из обещанных трех выбить пока так и не удалось!

Для справки замечу еще: зарплата главного хранителя фондов — 241 тысяча. Это с учетом 25-процентной надбавки, положенной культурникам в сельской местности. И "грязными". Чистыми — 200 тысяч...

Такова нынче цена подвижничества.

## Из песни слова не выкинешь

А в Рязани в эти сентябрьские дни торжественно отмечалось 900-летие города — одного из старейших русских городов, чья древняя героическая история тоже питала

Константиново — Клепики — Рязань.